

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

П.А. ЦЫГАНКОВ

Гуманизация международных отношений:

противоречия и парадоксы*

В международно-политической теории гуманизация международных отношений трактуется как неуклонный рост влияния на эту сферу норм морали и нравственности, как ее "очеловечивание", направленное на признание самоценности человека, более полное обеспечение его прав и свобод. В Программе развития ООН гуманитарное развитие определяется как процесс, в ходе которого каждому представителю данного населения на протяжении его жизни может предлагаться широкий выбор вариантов [1]. В то же время и в академической среде, и в политических кругах проблема гуманизации международных отношений служит предметом разногласий и острых дискуссий. В самом деле, с одной стороны, доминирует точка зрения о превалировании в сфере международных отношений эгоистических национальных интересов, геополитических императивов и силовых (не только в военном, но и в экономическом, и социокультурном отношениях) аргументов, не оставляющих места для морали и заботы об отдельном человеке¹. С другой стороны, утверждается, что гуманизация международных отношений - отнюдь не только благое пожелание наивных людей и что при всех недостатках международных организаций и международного права они все же выполняют функции защиты конкретного индивида, способствуют соблюдению морали в данной сфере [3].

Обе отмеченные позиции имеют под собой серьезные основания². Вместе с тем, несмотря на их внешне взаимоисключающий характер, их противоположность относительна. В данной связи можно выдвинуть гипотезу о том, что гуманизация международной политики не только существует, но и является одной из важных тенденций из-

* Исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №95-06-17096а).

¹ "Даже в сфере чистой политической власти, - подчеркивает известный представитель теории политического реализма Дж. Шварценбергер, - государственные деятели должны считать само собой разумеющимся существование минимальных моральных правил, так как в конечном счете их собственные соглашения с союзниками покоятся на моральных принципах, заключающихся в честном исполнении данных обещаний. Однако, как правило, правительства не заблуждаются в понимании реальных намерений их партнеров, которые замаскировывают свои политические цели в терминах международной морали, и не склонны доверять подобного рода представлениям. Подобные жесты адресуются, главным образом, общественному мнению у себя дома и за границей" [2].

² "Во всяком случае, - как справедливо отмечает Э. Баталов, - никто еще не выявил устойчивых долговременных тенденций ни в сторону гуманизации, ни в сторону дегуманизации политической жизни" [4, с. 9].

Цыганков Павел Афанасьевич - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии международных отношений Московского государственного университета им. МВ. Ломоносова.

менений, которые происходят в этой сфере общественных отношений. Однако ее проявления и последствия не оставляют места для бытующих иногда представлений о неизбежном прогрессе позитивных сил и становлении некоего гуманистического международного общества. В международных отношениях все более проявляются индивидуальная мораль и правовые нормы - прежде всего те, которые касаются прав человека и гуманитарного права; наконец, на функционирование международных отношений оказывают влияние частные группы и индивиды, руководствующиеся своими "человеческими", а не государственными интересами. Рассмотрим эти вопросы подробнее.

Индивидуальная этика

Как уже говорилось, гуманизация международных отношений связывается с их "очеловечиванием", с тенденцией подчинения универсальным нормам индивидуальной этики, вытекающим из общечеловеческой морали. Главная проблема - соотношение индивидуальной этики и политической морали. Мораль международных отношений - разновидность политической морали. Поскольку же, согласно одному из наиболее распространенных мнений, "политика - грязное дело"³, постольку требования индивидуальной и так называемой общечеловеческой морали здесь неуместны. В международно-политической теории эта позиция, одним из последовательных сторонников которой был Н. Макиавелли, нашла концептуальное выражение в теории политического реализма. Она возникла в конце 1930-х годов и акцентировала внимание на нарастающем разрыве между нормативными претензиями либералов (отстаивающих возможность постепенного построения всемирного правового общества) и международной действительностью, характеризующейся жесткой борьбой за власть между крупнейшими мировыми державами. Исходя из понимания основного критерия международной политики как ее соответствия государственным интересам, теория политического реализма предполагает, что государственный деятель должен руководствоваться не этикой убеждения, а этикой ответственности. Поэтому, согласно Г. Моргентау, если моралист задает вопрос: "Соответствует ли эта политика нравственным принципам?", то политический реалист спрашивает: "как эта политика влияет на силу нации?" [5]. Хотя это и не отказ от индивидуальной этики, но сосредоточение нравственного потенциала и нравственных требований у государственных деятелей плебисцитарно-харизматического типа.

Исходя из этих позиций трудно говорить о возможности какой-либо гуманизации международных отношений, ведь, по утверждению другого крупного представителя политического реализма, "главная функция международной морали состоит не в том, чтобы контролировать чье-либо поведение, а чтобы использовать мораль в качестве сильного оружия против потенциальных и реальных врагов" [2]. Поэтому впоследствии индивидуальная этика даже в том урезанном виде, в каком она присутствовала в работах политических реалистов, уступила место антропоморфной этике, наделяющей моральным статусом само государство.

В 60-е годы давление взаимозависимости и проблемы, связанные с кризисом свойственной политическому реализму государственно-центричной модели международных отношений, вызвали к жизни иные концептуальные подходы, которые значительно потеснили (хотя и не вытеснили) теорию политического реализма. Однако и транснационализм, и появившийся в 70-е годы неореализм, и структурализм, развернувший свою аргументацию в 80-е годы, несмотря на внешнюю либерализацию своих подходов в осмыслении роли индивидуальной этики, по сути, не продвинулись вперед по сравнению с политическим реализмом. Идея моральной независимости государственного деятеля - этой символической фигуры, призванной олицетворять национальные интересы, - была вытеснена сложной системой абстрактных ценностей,

³ "И вся эта грязь, кровь, насилие, жесткость и жестокость, - пишет Э. Баталов, - естественное, хотя и далеко не всегда объективно неизбежное, следствие функциональных взаимосвязок интересов и потребностей индивидов и групп, образующих социальное целое ("полис"), поддержание жизнеспособности которого объективно задано политике как его главная цель" [4, с. 7].

меняющихся в зависимости от времени. Одновременно в пользу эмпиризма была отброшена и антропоморфная этика. В результате возникла угроза подавления индивида и опасность устойчивого конформизма участников международных отношений [6].

Мало что меняет с точки зрения подхода к решению проблемы гуманизации международных отношений и методологический индивидуализм, с позиций которого объяснения следует искать в качествах или взаимодействиях независимо существующих индивидов. По признанию его сторонников, данное течение, принимающее в науке о международных отношениях форму рационализма (примерами которой являются теория рационального выбора и теория игр, рассматривающие варианты логики поведения в условиях принуждения), в большинстве случаев деградирует в редукционистское объяснение идентичностей и интересов, интерпретируя их на основе изучения поведения как реакции на внешние влияния [7]. Это означает, что оно не в состоянии оказать существенную помощь в анализе проблем, связанных с гуманизацией международных отношений. Еще большую трудность представляет подобный анализ на основе холизма, который свойствен большинству конкурирующих теорий международных отношений. Это показывает дискуссия между коммунитарными теориями (с точки зрения которых на международной арене носителями прав и обязанностей выступают политические единицы) и космополитическими теориями (считающими, что моральные аргументы должны основываться либо на природе человека, либо на индивидах). Так, например, институционалистское течение делает вывод о неспособности общепринятых подходов к изучению международных отношений выдвинуть конструктивные идеи и гипотезы относительно причин и характера распространения прав человека. Однако их собственные претензии на обладание четкими доказательствами того, почему и как права индивидов будут распространяться, и опирающиеся на тезис об определяющей роли глобальной культуры в формировании государственных идентичностей [8], не столь убедительны, как это кажется им самим: ведь в конечном итоге эта дискуссия беспредметна [9].

В этой связи на рубеже 80-90-х годов возникает так называемый деонтологический подход к проблеме, провозглашающий основной сферой проявления и высшим критерием действенности индивидуальной морали в международных отношениях сферу прав человека. "Деонтологическая этика, - подчеркивает К.-Г. Гизен, - признает действие нравственно справедливым, если оно отвечает нормам, которые нравственны сами по себе, независимо от их возможных последствий и соответствия общепризнанным ценностям существующей морали" [6, р. 37]. Главное в деонтологическом подходе - рациональное обоснование ограничения объема абсолютных прав и обязанностей индивидов. Речь идет о поиске intersubjectивных основ высших этических критериев. Гизен называет два типа таких основ: принцип общепризнанности, возвращающий нас к кантонскому пониманию, и принцип всеобщности естественно-морального порядка, соответствующий этике естественного права. Важное преимущество деонтологической этики ее сторонники усматривают в возможности установления на ее основе жестких пределов для любого действия индивида или в отношении индивида.

Приходится, однако, признать, что деонтология не решает проблем гуманизации международных отношений. Во-первых, при всей своей внешней новизне она достаточно тесно связана с тем, что М. Вебер называл "этикой убеждения", и, следовательно, уязвима перед упреками в недооценке возможных последствий основанных на ней политических действий [10]. Во-вторых, уязвима и лежащая в основе деонтологии этика естественного права: базируясь на предположении о неизменности не только человеческой природы, но и окружающей среды (как естественной, так и социальной), она допускает в случае возникновения в этой среде новой ситуации возможность трансформации моральных критериев, т.е. возможность морального релятивизма. Наконец, в-третьих, если считать вслед за сторонниками деонтологической этики, что главным ее преимуществом является возможность установления на ее основе жестких пределов для любого действия индивида или в отношении индивида [6, р. 38], трудно уйти от вопросов о том, кто и каким образом будет устанавливать эти пределы.

Права человека

Если сравнить современные возможности защиты индивидуальных и групповых прав на международном уровне с ситуацией, господствовавшей в этой сфере еще в начале века, то нельзя не констатировать несомненный прогресс. Устав Организации Объединенных Наций обращается к вопросу прав и свобод человека в преамбуле и в статьях 1, 13, 55, 62, 68, 76. В декабре 1948 года Генеральная Ассамблея ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека, а с 1954 года - ряд международных пактов о правах человека. В Резолюции 2200 (XXI) от 16 декабря 1966 года Ассамблея приняла Международный пакт, относящийся к экономическим, социальным и культурным правам, а также Международный пакт и Факультативный протокол, касающиеся гражданских и политических прав. Государства, подписавшие и ратифицировавшие протокол, признают правомочность Комитета по правам человека принимать к рассмотрению жалобы частных лиц на нарушение их прав, зафиксированных в пакте. В 1968 году на 23-й сессии Генеральной Ассамблеи была принята Резолюция 2437 (XXIII), учредившая пост Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека.

Институализация защиты прав человека происходит и на уровне региональных межправительственных организаций. Так, 4 ноября 1950 года в Риме группой государств, входящих в Совет Европы (СЕ), была принята Европейская конвенция по правам человека. В ноябре 1969 года была подписана Межамериканская конвенция по правам человека. В соответствии с ней были созданы Межамериканская комиссия по правам человека и Межамериканский суд по правам человека. В 1981 году в Банги (Гамбия) была принята Африканская хартия прав человека и народов, в соответствии с которой учреждена Африканская комиссия по правам человека и народов. Наконец, в рамках ЮНЕСКО в 1981 году была провозглашена Исламская всеобщая декларация прав человека.

Таким образом, права человека все более заметно превращаются в самостоятельную тему, оказывающую возрастающее влияние на международные отношения. В ней отражается подчеркиваемая юристами вполне реальная тенденция интернационализации прав человека, с одной стороны, а также гуманизация международного права, его поворот к общегуманистическим и демократическим принципам - с другой [11].

Но именно по этой причине данная тема длительное время оставалась одной из наиболее заидеологизированных, использовалась как орудие конфронтации между "Западом" и "Востоком". Она и сегодня служит достаточно красноречивой иллюстрацией, демонстрирующей противоречия и двусмысленности, свойственные международному праву и правам человека в целом.

Так, специалисты отмечают разрыв между формой и содержанием правового регулирования вопросов, связанных с защитой прав человека: речь идет о принципах регулирования правоотношений между государствами, тогда как предметом регулирования являются интересы частных лиц [11]. При этом собственный интерес государства не всегда непосредственно связан с защитой индивидуальных прав и свобод человека и нередко характеризуется стремлением государств использовать дискуссию по правам человека в пропагандистских целях. Одним из примеров этого может служить поддержка Соединенными Штатами резолюций, осуждающих Иран, Ирак и Кубу, и их молчание, когда речь шла об осуждении Гватемалы или Израиля. Что же касается ООН, то существует пять факторов, определяющих особенности ее деятельности в сфере прав человека: политизация проблемы прав человека; нежелание государства подвергаться международным проверкам; недостаток институциональных возможностей ООН; тенденция механизмов ООН действовать ниже уровня своих возможностей; недостатки внутри руководства ООН в сфере прав человека [12].

Концепция соблюдения прав человека предполагает защиту конкретного индивида от неправомерных действий государства. В то же время она имеет юридическую

правомочность только в том случае, если принята в качестве нормы тем же самым государством. Поэтому можно сказать: в том виде, в каком он представлен в международном праве, принцип соблюдения прав человека и основных свобод действует только в рамках тех государств, которые и без того выполняют его в силу соответствия их внутреннему законодательству [13].

Еще одно противоречие состоит в том, что практическое значение существующих сегодня глобальных и региональных международных организаций для защиты прав человека весьма невелико. Прежде всего, принятые декларации носят рекомендательный и, следовательно, в большей мере философский, чем юридический, характер. Исламская всеобщая декларация прав человека и вовсе не представляет собой документа, который после его подписания и ратификации соответствующими государствами призван найти свое практическое воплощение в сфере международных взаимодействий. Что же касается пактов ООН, то в отличие от декларации они обязательны к исполнению каждым подписавшим и ратифицировавшим их государством. Однако к ним присоединились менее половины членов ООН (80 государств присоединились к Пакту об экономических, социальных и культурных правах и 70 - к Пакту о гражданских и политических правах) и только 20 из них ратифицировали Протокол, относящийся к гражданским и политическим правам и предусматривающий рассмотрение обращений частных лиц. Кроме того, с одной стороны, указанные пакты не предусматривают никаких механизмов их реализации, а с другой - противоречат § 7 второй главы Хартии ООН, запрещающей любое вмешательство во внутренние дела суверенных государств [14].

Наконец, принятые международными организациями процедуры защиты прав человека от неправомочных действий государств настолько усложнены, что мало доступны для обычных граждан. Это относится и к Европейской конвенции, которая по своему практическому значению во многом превосходит Всеобщую декларацию прав человека и соответствующие пакты ООН (не говоря уже о других вышеназванных декларациях), так как перечисленные в ней права гарантируются такими органами, как Европейская комиссия по правам человека и Европейский суд по правам человека, решения которого обязательны для государств-членов. Прежде всего следует иметь в виду, что в системе юстиции СЕ действует строгое правило исчерпания национальных средств защиты. Это означает, что, только получив на руки окончательное решение высшей судебной инстанции соответствующего государства - члена СЕ, неудовлетворенный этим решением гражданин может обратиться в Европейский суд. При этом он должен быть готов к значительным расходам, связанным с перемещениями из своей страны в Люксембург, оплатой труда адвоката и т.п., а также знать, что в случае выигрыша дела решения суда носят не карающий, а контролирующий (т.е., по сути, рекомендательный) характер [15]. Возможно, именно этим объясняется то обстоятельство, что к 1984 году, т.е. за четверть века своего существования, Европейский суд рассмотрел всего 63 дела по защите прав человека, ставшие следствием 98 жалоб, поданных в Комиссию [16].

Наконец, нельзя обойти вниманием и то обстоятельство, что в условиях столкновения интересов требования о защите прав человека потенциально могут привести к дестабилизации обстановки или же обострению уже имеющейся кризисной ситуации. Чеченский конфликт дал достаточно примеров того, как абстрактные призывы к защите прав человека объективно служили оправданием терроризма, превращаясь в своего рода идеологическую кампанию, содержанием которой является беспомощное эпигонство, дискредитирующее столь важную и насущную проблему.

Гуманитарное право

Цель применения данного вида права - защита лиц, страдающих от бедствий, вызванных вооруженными конфликтами, а также объектов, не служащих непосредственно военным целям [17]. Поэтому имеется существенная разница между правами человека и гуманитарным правом. Происхождение гуманитарного права связано с битвой при

Сольферино в 1859 году, после которой погибло 60% раненых, не получивших своевременной медицинской помощи. Благодаря деятельности швейцарского гражданина А. Дюнана в 1864 году была принята дипломатическая Конвенция об улучшении участи раненых в действующих армиях, создан Международный Комитет Красного Креста (1880 год), а позднее (в 1919 году) и неправительственная организация - Международная федерация обществ Красного Креста. Гаагские конвенции 1899 и 1907 годов распространили сферу гуманитарного права на военнопленных и ведение военных действий на суше. В 1949 году в Женеве было принято уже четыре конвенции: об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях; об улучшении участи раненых и больных, служащих в военно-морских силах; об обращении с военнопленными; о защите гражданских лиц в период военных действий. В 1977 году были приняты дополнительные протоколы: о покровительстве жертвам международных вооруженных конфликтов и о покровительстве жертвам немеждународных вооруженных конфликтов.

В последние годы международное гуманитарное право приобретает качественно новое измерение. Во-первых, было конкретизировано поле его применения, в которое входят ситуации трех типов: природные катастрофы, массовые политические репрессии, экологические бедствия. Во-вторых, впервые в международном праве принимается принцип свободного доступа к жертвам спасателей, представителей Красного Креста, организаций и систем ООН, Верховного комиссариата по делам беженцев, фонда детей и других межправительственных и неправительственных (например, "Врачи без границ") организаций.

Так, в связи с землетрясением в Армении 8 декабря 1988 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 43/131. Подтверждая принцип суверенитета и первостепенную роль государства в организации помощи населению, резолюция подчеркивает значение гуманитарной помощи и обязанность содействия ей со стороны государств.

5 апреля 1991 года Совет безопасности ООН принял резолюцию 688, осуждающую репрессии режима С. Хусейна против курдов и шиитов (в результате которых ежедневно погибало до 600 человек), и призвал его обеспечить немедленный доступ международных гуманитарных организаций к нуждающимся в помощи во всех уголках Ирака. В резолюции впервые в истории ООН было подчеркнуто, что массовые нарушения прав человека представляют угрозу всеобщему миру. Исходя из этого, резолюция не только разрешает вмешательство, но и предусматривает защиту спасателей при помощи "голубых касок". 16 декабря 1991 года Генеральная Ассамблея (ЗОН приняла резолюцию 46/182 об усилении координации при оказании срочной гуманитарной помощи населению бывшей Югославии, пострадавшему от гражданской войны. Тем самым происходит институализация обязанности оказывать гуманитарное вмешательство.

Вместе с тем специалисты называют целый ряд возникающих в этой связи вопросов. Одна группа вопросов относится к ситуации, в которой может иметь место гуманитарное вмешательство. Действительно, нарушение прав человека - явление отнюдь не редкое. Почему одни случаи (например в Югославии) влекут за собой вмешательство, а другие (например массовые страдания мирного населения в ходе армяно-азербайджанского конфликта) остаются без последствий? Кто должен принимать решение о вмешательстве: влиятельные межправительственные организации (ООН, СБСЕ) или сами государства? Могут ли подобные решения приниматься без согласия того государства, населению которого оказывается гуманитарная помощь?

Другая группа вопросов касается границ между гуманитарным вмешательством и вмешательством политическим. Не является ли всякое вмешательство неизбежно политическим? Ведь ни одно государство никогда не может абстрагироваться от своих национальных интересов, а любое решение ООН - продукт политического соглашения. Оказывая помощь иракским курдам в 1991 году, США и их союзники не пошли на создание "зон защиты", опасаясь, что они могут стать зародышем курдского го-

сударства. Не следует ли пойти значительно дальше и найти политическое решение курдской проблемы?

Более того, правозащитный потенциал "гуманитарного вмешательства" был во многом сведен на нет реальной практикой его применения. "За правогуманитарными аргументами, оправдывавшими в глазах международного сообщества использование вооруженных санкций, нередко стояли прагматические цели внешней экспансии. В понятийной паре "гуманитарная интервенция" главный упор на практике переносился в этих случаях с характеристики "гуманитарная" на аспект "интервенция"..." [11, с. 22].

Наконец, еще одна группа вопросов связана с принципом равенства. Может ли гуманитарное право применяться одинаково ко всем государствам? Трудно представить, чтобы оно применялось, например, по отношению к США или к любой великой державе Европы.

Указанные вопросы - еще одно свидетельство противоречивости международного права и, в частности, того, что наиболее динамичные из его основных положений, отражающие реальности все большей взаимозависимости мира и выходящие за рамки межгосударственных отношений, неминуемо сталкиваются с наиболее традиционными, настаивающими на понятиях суверенитета, неприкосновенности границ и независимости государства.

Влияние индивидов и частных групп

Одна из устойчивых тенденций международных отношений, существование которой (так же как и тенденции нарастающей взаимозависимости) признается сегодня всеми теоретическими направлениями международно-политической науки, состоит в росте числа и многообразия социальных субъектов, принимающих либо непосредственное участие в их функционировании, либо оказывающих влияние на их состояние. Это касается традиционных международных акторов - государств - межгосударственных институтов - и еще в большей мере таких относительно новых участников, как транснациональные корпорации, неправительственные организации, различные ассоциации, устойчивые группы (вплоть до мафиозных структур) и неорганизованные частные лица [18].

Как не без оснований утверждает П. Аллан, "... наш мир, особенно мир политики, определяется, по крайней мере частично, факторами, относящимися к так называемой основной, или абсолютной, случайности, как в биологической теории эволюции" [19]. Впечатляющие изменения, которые вносит в международные отношения все более широкое участие в них различного рода временных объединений и "неорганизованных" частных лиц, связаны прежде всего именно с тем, что такое участие - абсолютная случайность в данной сфере. То, что наблюдается в наши дни в международных отношениях, - это переход от ситуации риска, свойственной периоду "холодной войны", к ситуации сомнения⁴. Отсюда сформулированный М. Николсоном "парадокс участия", в соответствии с которым рост открытости международной системы (в том числе и рост ее гуманизации, выражающейся в свободе передвижений, обменов и взаимодействий частных лиц различных государств) вносит беспорядок в международные отношения, увеличивает их хаотичность. "Чем меньше количество участников системы и степень их разнородности, тем более упорядоченной оказывается сама система и легко предсказуемыми последствия отдельными действиями. Если же система начинает пополняться все новыми членами (а именно это мы и понимаем здесь под участием), то предсказуемость, а заодно и совершение эффективных действий становятся все более трудными" [20, р. 116].

⁴ "Ситуация риска, - пишет Майкл Николсон, - это ситуация, в которой распределение вероятности различных возможных вариантов является в определенной мере объективным. В этом случае проблема выбора не представляет особой сложности. Ситуация сомнения - это, наоборот, такая ситуация, в которой не существует какой-либо объективной основы распределения вероятности. Здесь уже сделать выбор намного сложнее. Это тем более справедливо, чем меньше мы представляем себе последствия различных возможных вариантов выбора... [20, р. 113, 114].

Проблемы, связанные с возрастанием роли случайности в международных отношениях и парадоксом участия, выглядят еще более сложными в свете тех перемен, которые происходят в ценностных ориентациях личности. В наши дни наблюдается быстрое распространение феномена *аномии* - утраты индивидом какой-либо базы самоидентификации, потери общих нормативных и ценностных ориентиров. Проявлением этого феномена становятся все более многочисленные и разнообразные социальные девиации: рост преступности, неясность жизненных целей, сознательное пренебрежение духовными ориентациями в пользу неумеренных материальных целей, а также связанные с этим социальный хаос и снижение предсказуемости политических процессов [21].

Однако проблема гуманизации международных отношений ограничивается не только аномией. Другими полюсами такого ограничения становятся *униономия* - принадлежность к крайне узкой базе идентификации, лишаящая индивида гибкости в его социальных отношениях, и *плюриномия* - расплывчатая принадлежность к нескольким базам самоидентификации. Можно согласиться с замечанием Ж. Эрмана, согласно которому «нашему времени свойственна ярко выраженная плюриномия, господствующая в условиях, в которых "новейший" индивид отказывается от жесткой однолинейной принадлежности и стремится прожить несколько жизней, когда всемирный триумф капитализма, открывающего культурную идентификацию от территориально-географической основы, порождает нечто вроде социальной шизофрении» [22]. Таким образом, демократизация международных отношений, проявляющаяся в росте свободы пересечения границ, либерализации международной торговли, различного рода обменов, влечет за собой множество таких парадоксов, которые не могла предвидеть марксистская концепция о "возрастании роли народных масс в истории" как выражении общественного прогресса.

Содержание, проявления и последствия тех изменений, которые происходят в сфере международных отношений, не оставляют места для представлений о неизбежном прогрессе позитивных сил и необратимом движении к некоему гуманистическому международному обществу, основанному на общечеловеческих универсалиях, торжестве прав человека и всеобщем триумфе партнерских отношений, на росте индивидуальной нравственности. Международная политика как сложная система соперничества и согласования интересов и ценностей возрастающего числа и многообразия ее участников остается сферой неуверенности и риска, многократно усиливаемых вторжением в нее "обычного" человека. Это выдвигает повышенные требования к компетентности и профессионализму "творцов международной политики" и актуализирует необходимость интенсивной исследовательской, образовательной и просветительской работы в области международно-политических знаний.

В то же время обоснованная критика неумеренного энтузиазма, односторонне интерпретирующего феномены институализации прав человека, расширения гуманитарной деятельности международных организаций и "вторжения" в сферу международных отношений конкретного индивида с его стремлениями к "прямому" решению касающихся его вопросов и проблем - решению, не опосредованному государственными структурами или же бюрократическими механизмами межправительственных организаций, не должна заслонять другую сторону проблемы. Несмотря на все его недостатки, процесс интернационализации прав человека имеет необратимый характер. Уже сегодня гарантии и защита индивидуальных прав и свобод становятся предметом регулирования международного права и перестают быть исключительно внутригосударственной компетенцией. Устанавливая стандарты в сфере прав человека, международное сообщество рассматривает их как своего рода ориентиры, к которым следует стремиться, подчеркивая, что нынешнее состояние в данной сфере не может считаться терпимым [12].

Все это говорит о том, что гуманизация международных отношений является одной из важных тенденций в этой сфере общественной жизни. Однако сопровождающие ее противоречия и парадоксы носят не случайный и не временный, а сущностный характер, связанный с самой природой указанной сферы и человеческого общества в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Смутс М.-К.* Международные организации и неравноправие государств // Международный журнал социальных наук. 1995. № 11. С. 67.
2. *Schwarzenberger G.* Power politics. A study of World society. London, 1964. P. 220.
3. *Пучила Дж.* Мировые имиджи, мировые порядки и "холодные войны": мифы истории и объединенные нации // Международный журнал социальных наук. 1995. № 11. С. 38.
4. *Баталов Э.Я.* Политическое - слишком человеческое // Полис. 1995. № 5.
5. *Morgenthau H.J.* Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. Third Edition. New York, 1961. P. 14.
6. *Giesen K.-G.* Entre decisionnisme et structuralisme: la precarite de l'etique individuelle dans les theories des relations internationales // Michel Girard (dir.). L'individu dans la politique internationale. Paris, 1994. P. 36.
7. *Wendt A.* The agent-structure probleme in international relations // International Organisation. 1987. № 41. P. 335-370.
8. *Finnemore M.* National interests in international society. New York, 1996.
9. Bridging the theory / meta-theory gap in international relations // Review of International Studies. 1991. № 17(4).
10. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 694-705.
11. *Бекназар-Юзбашев Т.Б.* Права человека и международное право. М., 1996.
12. *Офуатеи-Коджое.* ООН и защита индивидуальных и гражданских прав // Международный журнал социальных наук. 1995. № 11.
13. *Demichel F.* Elements pour une theorie des relations internationales. Paris. 1986. P. 134-135.
14. *Moreau Defarges Ph.* Les relations internationales dans le monde d'aujourd'hui. Entre globalisation et fragmentation. Paris, 1991. P. 448.
15. *Тузмухамедов Б.* Утраченные иллюзии //Сегодня. 1996, 1 ноября.
16. *Collard C.A.* Institutions des relations internationales. Paris, 1985. P. 362.
17. *Нахлик Е.* Краткий очерк гуманитарного права. Международный Комитет Красного Креста. 1993. С. 7.
18. *Rosenau J.* Turbulence in World Politics. New York, 1990.
19. *Allan P.* La complexite', le hasard et l'individu dans la theorie politique internationale // Michel Girard (dir.). Les individus dans la politique internationale. Paris, 1994. P. 65.
20. *Nicholson M.* L'influence de l'individu sur le systeme international. Considerations sur les structures // Michel Girard (dir.). L'individu dans la politique internationale. Paris, 1994.
21. *Покровский Н.Е.* Проблема анонии в современном обществе. М., 1995. С. 50, 51.
22. *Herman J.* Individualisme et systemisme dans l'analyse de la politique internationale // Michel Girard (dir.). L'individu dans la politique internationale. Paris, 1994. P. 48.